

известия — с.

Правда и счастье Бориса Бабочкина

К 90-летию со дня рождения великого артиста

Андрей ЗОЛОТОВ, «Известия»

Борису Андреевичу Бабочкину ныне исполнилось бы девяносто. Великий русский актер и режиссер советского периода нашей истории счастливо существует для нас в созданных им образах-легендах, исполненных «реализма без предрассудков и без предубеждений» (слова Бориса Андреевича). Он и сам стал легендой русского искусства в двадцатом столетии.

Вдохновение его было особого склада. Оно возносило нас и испепеляло переживанием идеалов и мерзостей жизни.

Общение с Бабочкиным перенастраивало вашу жизнь. Он

понимал вас, верил в вас. Он отдавал вам то истинное, чем владел сам в ту минуту...

Бабочкин появился на сцене в 1921 году. Играл и ставил в ленинградских театрах, потом в московских. Более двадцати лет его жизни кровно связаны с Малым театром. Последние годы — еще и с телевидением. Одно время — короткое — он возглавлял Московский драматический театр имени А. С. Пушкина. К этому времени относится впервые публикуемый сегодня в «Известиях» автобиографический фрагмент, написанный Борисом Андреевичем в связи с юбилеем Центрального театрального музея имени А. А. Бахрушина.

...Мой перевод из Малого театра на должность главного режиссера в Московский театр имени Пушкина — самый тяжелый этап моей жизни. Этот театр после уничтожения А. Я. Таирова (в физическом смысле) передали для ликвидации в нем всех остатков формализма и эстетизма В. В. Ванину — моему старому товарищу, отличному актеру, очень практичному человеку, неглупому, весьма напористому... Он еще ничего действительно решающего в бывшем Камерном театре не успел сделать. Рак уже подстерг его, и он умер, оставив театр на распустье. (...)

Я начал работать над «Тенями» уже после смерти Сталина. «Тени» Салтыкова-Щедрина в то время вдруг приобрели удивительную окраску. «Интрига — вот стержень нашей жизни», — говорится в «Тенях». Для постановки «Теней» нужен был очень сильный режиссер. Сам поставить я ее не мог, так как решил играть Клавера. Роль мне сразу стала понятной — я видел этого человека насквозь, и меня привлекала ее трудность.

В это время как раз ушел из Малого театра Дикий. У него был пустяковый конфликт. Но любой повод для удаления из Малого театра человека яркого и талантливого годился. Я встретил Дикого на Кузнецком мосту. Он плыл в роскошной меховой распахнутой шубе, в шапке набекрень. Увидев меня, он на какое-то почти неумовное мгновение остановился, как бы споткнулся. Я встал и протянул ему руку. Он метнулся ко мне.

— По-моему, все ясно, — сказал я. — Давай начинать работать. Есть гениальная пьеса.

— Какая?

— «Тени» Щедрина.

— Завтра приду.

В моих актерских отношениях с Диким всегда был какой-то особый договор, обусловленный нашим взаимным доверием и интересом друг к другу. Долго он ничего не говорил о моей роли. Наступил момент, когда, наблюдая мою работу, сказал:

— Ага... Вот он у тебя какой!

И дальше только полупамятка, чуть-чуть, «подбрасывал» на мой образ, на остроту. У Дикого была одна хитрая манера. Он вовремя приходил на репетицию, никогда не позволял себе опаздывать ни на минуту. Он клал около себя толстые папиросы, толстую авторучку и начинал очень интересные разговоры, не имеющие к пьесе никакого отношения. И когда разговор становился общим, — обыкновенно веселым, юмористическим, незаметно переходил к тексту пьесы...

«Тени» были готовы довольно быстро и имели сенсационный, от спектакля к спектаклю нарастающий успех. «Лишний билетик» спрашивали от Никитских ворот и от памятника Пушкину. К семи часам вечера весь Тверской бульвар жил «Тенями». Пресса молчала, но к этому все привыкли, и ее молчание подогревало интерес к спектаклю. Наконец, появилась первая заметка в «Советской культуре» — о высочайшем качестве и успехе спектакля. Мое исполнение

названо было «виртуозным». В этом же духе писали о Б. А. Смирнове, который великолепно, «по-орленевски» играл Бобырева. Потом снова в прессе наступила длительная пауза. Но успех спектакля все нарастал. Смело могу сказать, что это был самый знаменитый спектакль в Москве. И его высокое художественное качество было несомненным. Но был в нем еще один секрет, тайная его пружина — молодой штатский генерал Клаверов, которого я играл — играл с наслаждением, играл во всеоружии своего уже богатого опыта, — он был в центре пьесы. Я вложил в эту роль все, что я знаю о карьеристе и бюрократе. Я препариовал эти черты, я разделал их, как кильку. Каждый раз, когда Клаверов обдумывал очередную интригу, идя на любой обман, даже сводничество и сутенерство, в большом монологе — а в роли Клавера громадные монологи, — я обращался прямо в зрительный зал, как бы советуясь, как бы проверяя свои планы на единомышленниках...

Но вот однажды появились на спектакле с ханжеским выражением на лице критик из «Правды» Абалкин. А через несколько дней была опубликована в «Правде» разгромная статья, подписанная Ермиловым.

В это время как раз приехали ко мне из БДТ с предложением от всей труппы вернуться к ним. И вот у секретаря Московского городского комитета партии и одновременно ЦК КПСС — у Фурцевой собралось специальное совещание по этому вопросу. «Поезжайте. Но я вам такую дам характеристику, что вам не поздоровится».

Ничего другого мне не оставалось, как взять свое заявление об уходе назад. А через месяц-полтора меня не только «отпустили», но сняли «за невыполнение финансового плана», «не сработался с коллективом» и т. д. А коллектив за исключением нескольких — Чиркова, Викландт еще кое-кого, добивался приема в ЦК. Ну, отношение даже к намеку на протест известно... Почти три года продолжалось мое жалкое состояние безработного. Перебивался случайными концертами, писал какие-то статьи. А. Г. Петрицкий, мой родственник, устроил мне постановку «Тоски» в Киевской опере...

Из статьи В. Ермилова «Сатира Щедрина на сцене» («Правда», 1953 г., 30 июня):

«Самым настоящим насилием над природой щедринской сатиры следует признать то, что Клаверов—Бабочкин подменяет монологи, выражающие раздумья, колебания, терзания мерзавца-карьериста, обращениями к зрительному залу... Между артистом и зрительным залом складываются ложные отношения... Когда гоголевский городничий обращался к публике со своим знаменитым: «Над чем смеетесь? Над собою смеетесь», то это было вполне уместно. К советскому зрителю городничий уже не может обратиться с этим восклицанием...